

Трошин Николай Николаевич*, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований РИСИ.

Экономические последствия Континентальной блокады (1806–1814 гг.) для России

Экономические санкции представляют собой меры, направленные на ограничение торговых и/или финансовых отношений с какой-либо страной с целью принудить её к выполнению определённых требований. Их использование допускается Уставом ООН исключительно на основании решений Совета Безопасности и в отношении государств (или организаций), угрожающих международной безопасности и миру в отдельных регионах, в качестве альтернативы военному вмешательству.

Однако нередко введение ограничительных мер экономического характера происходит в одностороннем порядке. К таким методам всё чаще прибегают Соединённые Штаты, отстаивая своё влияние на мировой арене. После окончания холодной войны они стали неотъемлемым инструментом американской политики. С начала 1990-х гг. США и их союзники применяли экономические санкции в отношении других стран более 50 раз.

Существуют различные мнения по поводу эффективности введения санкций. Например, Г. Хафбауэр, Дж. Шотт и К. Эллиотт, проанализировав результаты их использования начиная с морской блокады Германии в 1914 г., пришли к выводу, что поставленные задачи были достигнуты в 34 % случаев. Если же рассматривать только те санкции, которые налагались, чтобы добиться умеренных изменений в политике другой страны, то эта цифра увеличивается до 51 %¹.

Более традиционной точки зрения придерживается Р. А. Пейп. Он утверждает, что Г. Хафбауэр и его коллеги неверно интерпретировали большинство из 40 эпизодов, которые рассматривались ими как успешные. По мнению Р. Пейпа, 18 случаев закончились в итоге прямым или косвенным использованием военной силы. В восьми отсутствуют доказательства того, что подвергнутое санкциям государство пошло на требуемые уступки, а шесть не могут рассматриваться в качестве примера применения экономических санкций. В отношении ещё трёх сохраняется неопределённость. Таким образом, численность успешных случаев

* Troshinrasi@rambler.ru

¹ *Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions RECONSIDERED / 3rd ed. Washington, DC, 2007. P. 159.*

использования санкций падает со 115 до 5², что снижает процент достижения заявленной цели с 34 до 4 %.

Решение США о расширении экономических санкций против России, их возобновление в отношении Ирана вновь ставят вопрос об эффективности этого инструмента. В связи с этим будет полезно ещё раз обратиться к историческому опыту.

Первый известный пример задействия экономических санкций относится к 434 г. до н.э., когда по настоянию Перикла Афины закрыли свои порты для купцов из Мегары, укрывавших у себя беглых афинских рабов³. Эту же идею уже в Новое время использовал Наполеон для борьбы с Англией. В ноябре 1806 г. он подписал в Берлине знаменитый декрет, объявлявший состояние блокады Британских островов. Текст декрета был разослан всем союзным и зависимым от Наполеона государствам с предложением принять аналогичные меры. Английские купцы и их товары должны были быть изгнаны с европейских рынков.

После поражения под Фридрихсборгом в июне 1807 г. к этой системе вынужденно присоединилась и Россия. Договорённости, заключённые в Тильзите с Наполеоном, обязывали Александра I закрыть английским кораблям доступ в российские гавани.

В отечественной историографии распространено мнение, что выполнение этого требования имело катастрофические последствия, разоряя экономику России. Однако приводимые в качестве доказательства данные о снижении цен на экспортные товары ограничены, как правило, одной-двумя позициями и содержат сведения всего за два года. В результате создаётся впечатление, что такое соотношение сохранялось на протяжении всего периода участия России в Континентальной блокаде.

К сожалению, в трудах современников содержится лишь отрывочная информация о товарных ценах. Так, в книге А. Шторха "Курс политической экономии" приводятся данные о ценах только на основные предметы вывоза и лишь за три года (1803, 1811 и 1814 г.)⁴. К. Арнольд, помимо экспортных, приводит сведения о ценах и на импортные товары (сахарный песок, кофе и кошениль), но опять-таки всего за несколько лет (1804, 1812–1814 гг.)⁵. Более поздние исследователи не добавили практически ничего нового по этому вопросу. Несмотря на призывы ряда известных отечественных историков изучать историю русских цен⁶, работы по

² Pape R.A. Why Economic Sanction Still Do Not Work // International Security. 1998. Vol. 23. № 1. P. 66. Статья Р. Пейпа была написана в ответ на второе издание "Переосмысления экономических санкций" в 1990 г.

³ Фукидид в своей "Истории Пелопоннесской войны" не придавал особого значения этому факту. Сегодня историки склоняются к точке зрения Аристофана, считавшего запрет на торговлю Мегар с Афинами одной из основных причин войны, разгоревшейся между Афинами и Спартой. Не имевшая собственного флота Спарта была заинтересована в поддержании свободного мореплавания и поэтому не могла позволить Афинам по собственному желанию закрывать свои порты для кораблей других полисов. Пелопоннесская война продолжалась 27 лет и закончилась полным поражением Афин.

⁴ Шторх А. Курс политической экономии. М., 2008. С. 908.

⁵ Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816. С. 54.

⁶ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 13–14.

этой проблематике до сих пор по большей части отсутствуют. Более-менее изученной остаётся только динамика цен на хлеб⁷.

В связи с этим особый интерес представляет работа Ю. Карцова и К. Военского "Причины войны 1812 года". В ней присутствует таблица с указанием цен ряда основных товаров российского экспорта и некоторых иностранных товаров за 1802, 1803 и 1807–1812 гг., извлечённых из "Санкт-Петербургского Прейс-Куранта"⁸. Он издавался 2 раза в неделю сначала Государственной коммерц-коллегией, а с 1811 г. – Департаментом внешней торговли Министерства финансов. Там печатались сведения как о вексельных курсах, так и о ценах, которые складывались на бирже в Санкт-Петербурге.

Таблица, опубликованная Ю. Карцовым и К. Военским, не лишена недостатков. Так, авторы заявили, что брали максимальные цены за каждый год, но в большинстве случаев ими приводилось две и даже три цифры. Однако, учитывая их разброс, использование в дальнейшем анализе усреднённых значений могло повлечь лишь искажение действительной динамики цен. Ещё больше вопросов вызывает сделанная Ю. Карцовым и К. Военским выборка товаров. На них приходится от 35 (в 1802 г.) до 54 % (в 1812) всего экспорта из Санкт-Петербурга и от 30 (в 1802 г.) до 36 % (в 1807) импорта. В частности, среди экспортных товаров отсутствуют железо и свечное сало, среди иностранных – красители и большая часть специй (за исключением чёрного перца). Впрочем, цены на шерстяные товары (сукно), на которые в 1802–1807 гг. приходилось от 22 до 15 % всего привоза в Санкт-Петербург, отсутствовали и в "Прейс-Куранте". Так что имеющуюся выборку можно в принципе рассматривать как сравнительно репрезентативную.

В 1812 г. возобновилась ежегодная публикация "Видов государственной внешней торговли", которые с этого времени стали включать также сведения о ценах российских и иностранных товаров⁹. Они указывались за каждый месяц отдельно, что позволяло использовать в качестве годовых значений усреднённые величины. Дополнение сведений, приведённых Ю. Карцовым и К. Военским, информацией о ценах за более поздний период дало возможность расширить рамки исследования с тем, чтобы посмотреть, как изменялись цены после формального прекращения соблюдения требований блокады и восстановления отношений с Великобританией.

Исходя из имевшихся в указанных источниках данных, было выделено шесть групп экспортных и семь групп импортных товаров¹⁰, объединяющих однородные продукты, для которых могли быть рассчитаны

⁷ См., напр.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974; *Мионов Б.Н.* Указ. соч.

⁸ *Карцов Ю., Военский К.* Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 50–52.

⁹ В "Государственной внешней торговле 1812 года в различных её видах" приведены цены только по Санкт-Петербургу, с 1813 г. к ним добавляются цены в Архангельске (только по экспорту), Риге, Одессе и Таганроге. В 1815 г. вместо данных по Архангельску указаны цены на экспортные и импортные товары в Москве.

¹⁰ Экспортные товары: пенька, лен, пшеница, равендук, парусина и фламское полотно. Импортные товары: хлопок, вино, кофе, перец, рис, олово и сахар. За 1813–1815 гг. за неимением цен сахара взяты цены на сахарный песок.

средние цены. Расчёты производились за 1802, 1803 и 1807–1815 гг.¹¹ Далее на основе полученных средних цен вычислялись сначала индивидуальные, а затем сводные индексы экспортных и импортных цен. Для этого индивидуальные индексы взвешивались по стоимости соответствующих товарных групп в базисном году.

На его выборе следует остановиться подробнее. Слухи о предстоящем прекращении торговли с Англией поползли уже вскоре после заключения мира с Наполеоном, что не могло не отразиться на ценах. Когда же 24 октября (5 ноября) 1807 г. Александр I объявил о разрыве всех отношений с Великобританией, цены на сахар, кофе и другие колониальные товары резко возросли. В такой ситуации для более полного выявления последствий присоединения России к Континентальной блокаде следовало бы принять за базисный 1806 г. Однако из-за отсутствия доступной информации о ценах в этом году пришлось остановиться на 1807 г. Тем более что использование в качестве базисного любого другого года из тех, за которые имеются данные о ценах, не вносит принципиальных изменений в полученные результаты.

На основании рассчитанных таким образом сводных индексов цен были определены условия торговли (*terms of trade*) как отношение экспортных цен к цене импорта. В теории принято считать, если индекс условий торговли больше единицы, то благосостояние страны увеличивается, поскольку один и тот же объём экспорта обменивается на большее количество импортных товаров. Если же индекс условий торговли меньше единицы, то благосостояние сокращается, так как в обмен на прежний объём импорта становится необходимым обменивать больше экспортных товаров.

На практике индекс условий торговли очень часто оказывается ниже единицы, в связи с этим повышенное внимание уделяется его динамике. Если индекс растёт, т.е. цены на экспортные товары увеличиваются быстрее, чем на импортные, то условия рассматриваются как благоприятные. И, наоборот, условия оцениваются как неблагоприятные в случае снижения индекса, что является отражением более быстрого роста импортных цен по сравнению с ценами на экспортные товары.

Как видно на рис. 1, условия ведения внешней торговли для России во время её участия в Континентальной блокаде (1808–1811 гг.) были заметно хуже, чем в предшествующий и последующий периоды. Если в 1802–1803 гг. индекс условий торговли превышал единицу, а в 1812–1815 гг. был лишь немногим ниже неё, то в 1808–1811 гг. он упал в среднем до 0,65. Вместе с тем представляется, что масштабы этого падения не следует переоценивать. Действительно, в 1808 г. российская внешняя торговля и вся экономика в целом пережила настоящий шок. Индекс условий торговли упал сразу на 57 % – ниже 0,5. Причиной этого стал двукратный рост импортных цен. При этом цены на экспортные товары снизились в среднем на 13 %. Отдельно следует уточнить, что речь идёт о номинальных ценах, выраженных в ассигнациях.

¹¹ За 1812 г., данные для которого имелись в обоих источниках, цены брались из "Видов государственной торговли".

Рис. 1. Индекс условий торговли, экспортных и импортных цен

Однако уже со следующего года индекс условий торговли начал расти, что свидетельствовало об адаптации российской экономики к новым требованиям. В 1809 г. цены на экспортные товары не только повысились в среднем на 67 % по сравнению с 1808 г., но и обогнали по темпам увеличение импортных цен, которые прибавили всего 18 %. В результате индекс условий торговли поднялся до 0,69, или на 62 %.

В 1810 г. опережающий рост экспортных цен продолжился, так что индекс условий торговли повысился до 0,74 (на 7 %) и оставался практически на неизменном уровне в 1811 г. Таким образом, после шока 1808 г. условия ведения внешней торговли, несмотря на продолжающееся участие России в Континентальной блокаде, стали довольно быстро улучшаться.

Объяснение этому легко найти, если обратиться к данным датской таможни о пошлинах, уплачиваемых торговыми кораблями за проход через Зунд (пролив, соединяющий Северное и Балтийское моря). В 1802–1806 гг. её ежегодно уплачивали в среднем 1244 корабля, шедших в российские порты на Балтике. Но уже в 1807 г. их число сократилось до 875¹².

Ещё в январе 1807 г. в ответ на Берлинский декрет Наполеона британское правительство приняло постановление (*order in council*), фактически запрещавшее купцам из нейтральных стран заходить в те порты, в которые не допускались суда под английским флагом. Позднее указом от 11 ноября того же года это требование было "смягчено" при условии, что купеческое судно посетило предварительно один из портов Соединённого Королевства. На это решение Наполеон отреагировал принятием декретов, подписанных в Милане 23 ноября и 7 декабря 1807 г., согласно которым любой корабль, подчинившийся требованиям англичан, считался утратившим свою национальную принадлежность и мог рассматриваться в качестве законного приза. В этой ситуации, опасаясь за собственность своих граждан (корабли и грузы), Конгресс США принял 22 декабря 1807 г. закон об эмбарго, запрещавший всякую торговлю с Европой. В результате принятия всех этих указов через Датские проливы в 1808 г.

¹² Soundtoll Register Online. URL: <http://www.soundtoll.nl/index.php/en/onderzoek/zoeken-in-de-sonttol-database> (дата обращения: 25.05.2018).

из Северного в Балтийское море прошли всего 93 корабля, из них лишь семь направлялись в российские порты.

Впрочем, от этих запретов страдала не только Россия. Резкое (более чем в 3 раза) сокращение объёмов внешней торговли США побудило конгресс отменить 1 марта 1809 г. закон об эмбарго, ограничившись воспрещением торговать только с Англией и Францией. Сместились акценты и в политике британского правительства. Постановлением от 26 апреля 1809 г. блокада была сохранена только в отношении Голландии, Франции и севера Италии. Это привело к увеличению в 1809 г. общего числа кораблей, пришедших на Балтику через Зунд, до 203, в том числе 54 – к российским портам. В 1810 г. их количество возросло до 1609 и 150 соответственно. Но даже такое незначительное облегчение судоходства оказало положительное влияние на условия российской внешней торговли.

Наряду с этим следует учитывать, что определённая часть кораблей попадала на Балтику в составе торговых караванов, проходивших проливы под охраной военно-морского флота Великобритании. С этой целью ежегодно направлялась эскадра под командованием адмирала Дж. Сумареса, чей выход в море и возвращение обратно Адмиралтейство даже согласовывало с представителями лондонского Сити¹³. Тем не менее можно предположить, что далеко не все участники таких караванов перевозили английские товары. Многих привлекала безопасность, обеспечиваемая сопровождением военных кораблей. Хотя свидетельства современников позволяют говорить о широком распространении, которое получила контрабанда в этот период, в том числе в России. Это также могло сказаться на увеличении индекса условий торговли в 1809–1810 гг.

Обращает на себя внимание отсутствие изменений в индексе условий торговли в 1811 г. по сравнению с 1810 г. Между тем большинство отечественных историков сходятся во мнении, что Россия к тому времени фактически перестала соблюдать условия Континентальной блокады. Обычно это связывается с принятием Положения о нейтральной торговле на 1811 год.

Однако формальные облегчения, сделанные в Положении в отношении нейтрального мореплавания, никаких реальных изменений в условиях отечественной внешней торговли не произвели. Это подтверждают и данные датской таможни. В 1811 г. через Зунд к российским портам прошли всего 123 корабля, что на 18 % меньше, чем в 1810 г. Причём сокращение коснулось всех портов, за исключением Санкт-Петербургского, где число прибывших кораблей выросло на треть.

Таким образом, анализ индекса условий торговли позволяет говорить о том, что возможности российского правительства повлиять на их изменение в условиях начала XIX в. были незначительны. Сказывался недостаток собственного как торгового, так и военно-морского флота. В основном все изменения в индексе происходили под влиянием внешних факторов.

¹³ Подробнее о действиях английского военно-морского флота см.: *Ryan A.N. The Defence of British Trade with the Baltic, 1808–1813 // The English Historical Review. 1959. July. Vol. 74. № 292. P. 443–466.*

Важно также отметить, что снижение экспортных цен имело место только в 1808 г. В дальнейшем они росли, что не позволяет говорить о разорении отечественного производителя в результате присоединения России к Континентальной блокаде. Что касается импортных цен, то их повышение не было столь однозначно, как это представляется на первый взгляд.

Чаще всего в качестве иллюстрации невыгодности Континентальной блокады для России приводятся данные об удорожании сахара. Объём его потребления в силу незначительной эластичности мало зависит от цены. Следовательно, её увеличение должно было негативно сказаться на благосостоянии населения. Тем более что употребление сахара получало всё более широкое распространение, о чём свидетельствовали существенные объёмы его импорта. Например, в 1802 г. на долю этого продукта пришлось 17,9 % общей стоимости привезённых к Санкт-Петербургскому порту товаров.

Наряду с готовым сахаром Россия импортировала сахарный песок, служивший сырьём для отечественной сахарорафинадной промышленности. Но его объёмы оставались незначительными (менее 1 % общей стоимости). В частности, в том же 1802 г. в Россию было ввезено всего лишь 47,9 тыс. пудов сахарного песка. Ситуация изменилась с началом Континентальной блокады. Даже в 1808 г., несмотря на сокращение объёмов внешней торговли, сахарного песка было привезено 96,4 тыс. пудов, или в 2 раза больше, чем в 1802 г. В 1809–1810 гг. привоз сахарного песка увеличился ещё больше и составил в среднем 274,2 тыс. пудов в год¹⁴. В то же время импорт готового сахара снизился.

Этому легко найти объяснение, если рассмотреть сравнительную динамику относительных цен готового сахара и сахарного песка. В качестве базиса используем цену пеньки, являвшейся на тот момент основным экспортным товаром. Не располагая полными данными о биржевой цене сахарного песка, возьмём цены сахара и сахарного песка, которые были объявлены в таможне, и посмотрим, как они изменялись относительно таких же цен пеньки, приняв за точку отсчёта 1803 г. Динамика полученных на этой основе индексов цен представлена на рис. 2.

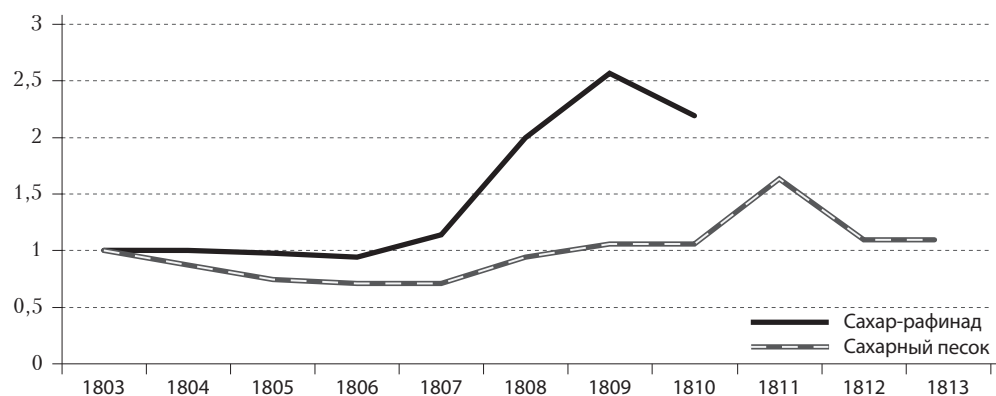

Рис. 2. Индекс относительных цен сахара-рафинада и сахарного песка

¹⁴ Небольсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. I. СПб., 1835 (Ведомость о привозе).

На рисунке видно, что относительные цены готового сахара выросли в 1809 г. на 160 % по сравнению с уровнем 1803 г., тогда как относительные цены сахарного песка увеличились за тот же период всего на 5 %. В этих условиях более выгодными стали закупки сахарного песка и последующая его переработка на отечественных сахарорафинадных заводах. Таким образом, Континентальная блокада фактически оказала поддержку отечественной сахарорафинадной промышленности¹⁵.

Высокие цены на готовый сахар при относительно низких ценах на сырьё привели к тому, что количество сахарорафинадных заводов стало увеличиваться. Об успехах отечественной промышленности можно судить хотя бы по тому, что с принятием уже упоминавшегося Положения о нейтральной торговле привоз готового сахара в Россию был вовсе запрещён.

Аналогичная картина имела место с относительными ценами хлопка-сырца и хлопчатобумажной пряжи. Как и в предыдущем случае, в качестве базиса были взяты цены пеньки. Для расчётов использовались цены, объявленные в таможне. Полученные индексы показаны на рис. 3 (за единицу приняты цены в 1803 г.).

Рис. 3. Индекс относительных цен хлопка-сырца и хлопчатой пряжи

Как видно на рисунке, относительная цена пряжи увеличилась в 1809 г. на 65 % по сравнению с 1803 г., в то же время относительная цена хлопка-сырца поднялась только на 16 %. Так что и в этом случае более выгодным получалось импортировать сырьё, а не готовую продукцию. В самом деле, если в 1803 г. в Россию было привезено 65,8 тыс. пудов пряжи и менее 12 тыс. пудов хлопка-сырца, то в 1809 г. привоз хлопка-сырца составил уже 48,3 тыс. пудов против 52,8 тыс. пудов пряжи¹⁶.

Впрочем, импорт хлопчатобумажной пряжи, как видно из приведённых данных, сократился незначительно. Это объясняется тем, что, в отличие от сахарорафинадных заводов, в России к этому времени практически не было хлопкопрядильных фабрик, за исключением Александровской

¹⁵ В Европе Континентальная блокада, как известно, способствовала возникновению новой отрасли по производству сахара из свёклы. В России массовому распространению этого опыта в те же годы мешала фискальная политика правительства. Дело в том, что побочным продуктом выварки сахара из свёклы был спирт, производство и продажа которого жёстко регламентировались в интересах казны.

¹⁶ *Неболсин Г.П.* Указ. соч. (Ведомость о привозе).

мануфактуры в Санкт-Петербурге. Тем не менее и здесь разрыв в ценах создал благоприятную почву для частного предпринимательства.

Уже в 1808 г. купцом Пантелеевым была основана первая в России частная бумагопрядильная фабрика¹⁷, а к началу 1812 г., как следует из доклада управляющего Александровской мануфактурой, таких заведений насчитывалось 16¹⁸. К сожалению, бóльшая их часть находилась в Москве и не смогла восстановиться после французского нашествия. Тем не менее вполне допустимо утверждать, что Континентальная блокада вызвала к жизни новую отрасль промышленности.

Таким образом, динамика цен на импортные товары в годы Континентальной блокады, несмотря на их общий рост, была в целом благоприятна для развития отечественной промышленности. Цены на сырьё увеличивались более медленными темпами, в то время как рост цен на готовую продукцию гарантированно давал необходимую прибыль желающим заняться её производством.

Следует отметить, что российское правительство с самого начала указывало на такую возможность. В докладе, представленном Александру I 13(25) ноября 1807 г. относительно причин резкого повышения цен, отмечалось, что "высокие цены, прельщая промышленность в народе, заставят те же товарные статьи производить дома и посредством труда искать прибылей, теми товарами приносимых"¹⁹.

Рассмотрим теперь динамику цен в России и других странах Европы. Что касается цен на товары российского экспорта, то на европейских рынках в годы Континентальной блокады они были несколько выше, чем в российских портах (рис. 4, 5 и 6). Например, в Гамбурге цена пеньки в 1808–1811 гг. была в среднем на 78 % выше, чем в Санкт-Петербурге, цена льна превышала петербургские показатели в среднем на 65 %, а сала – на 64 %. При этом интересно отметить, что в Англии цены на российские товары выросли значительно сильнее, чем на континенте. Цена пеньки в Лондоне в эти годы в среднем превышала цены в Санкт-Петербурге на 112 %. Однако если исключить из усреднения показатели за 1808 г., то превышение цен в Лондоне составит всего 70 % по сравнению с 66 % в Гамбурге за тот же период. Иначе говоря, жёсткие меры, принятые британским правительством в 1807 г., бумерангом ударили по самой Великобритании, что и привело, как уже было сказано выше, к изменениям в английской политике в 1809 г.

Впрочем, воспользоваться указанной выше разницей цен на экспортные товары отечественным купцам было практически невозможно по причине почти полного отсутствия своих торговых судов. Более того, не рассчитывая на поддержку собственного мореплавания со стороны российского военно-морского флота, даже те купцы, которые имели возможность сами

¹⁷ *Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 128.

¹⁸ *Яцунский В.К.* О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность // Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1962. С. 308. Заметим здесь в скобках, что известный французский экономист Ж. Б. Сэ, бывший последователем теории А. Смита о свободе торговли и потому принципиальным противником Континентальной блокады, после ухода с государственной службы занялся именно организацией хлопкопрядильного производства.

¹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. 1. Т. 4. М., 1962. С. 114.

строить корабли (как, например, архангельский купец В. А. Попов)²⁰, предпочитали строить их на продажу, а не для себя.

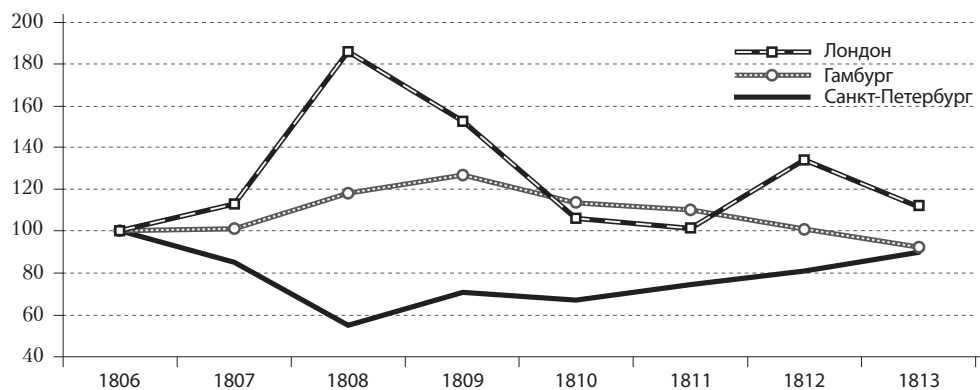

Рис. 4. Индекс цен пеньки в Санкт-Петербурге, Гамбурге и Лондоне, %

Источник: Girnius S.A. Russia and the Continental Blockade. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981; расчёты автора

Рис. 5. Индекс цен льна в Санкт-Петербурге, Гамбурге и Лондоне, %

Источник: Girnius S.A. Russia and the Continental Blockade. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981; расчёты автора

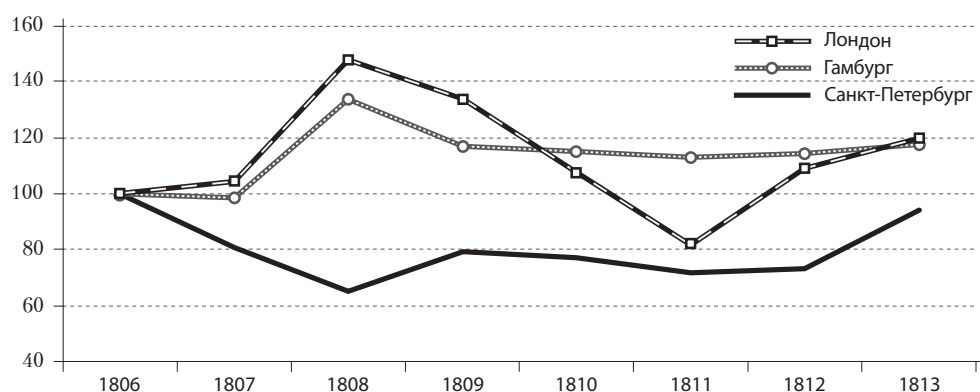

Рис. 6. Индекс цен сала в Санкт-Петербурге, Гамбурге и Лондоне, %

Источник: Girnius S.A. Russia and the Continental Blockade. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981; расчёты автора

²⁰ Об архангельском купце В. А. Попове см.: Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 267–270.

Иная ситуация сложилась с ценами на импортные товары (рис. 7 и 8). Несмотря на уже отмеченный их общий рост, в российских портах они всё же поднялись меньше, чем в городах других стран континента. В Санкт-Петербурге даже максимальные цены на кофе в пересчёте по вексельному курсу на Гамбург выросли в 1808 г. по сравнению с 1806 г. на 18 %, тогда как в Лейпциге, где проводилась крупнейшая в Европе ярмарка, их рост составил 59 %, а в самом Гамбурге прирост был равен 97 %.

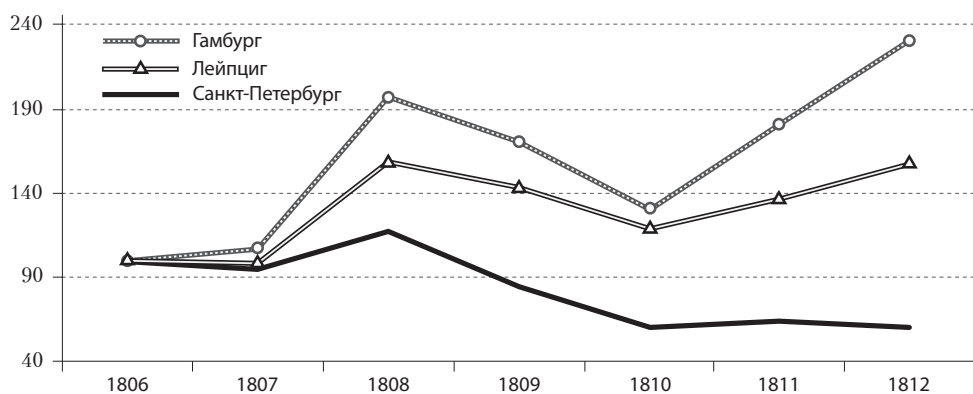

Рис. 7. Индекс цен кофе в Санкт-Петербурге, Гамбурге и Лейпциге, %

Источник: Girnius S.A. Russia and the Continental Blockade. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981; расчёты автора

Точно так же цены на сахар-рафинад в Санкт-Петербурге в 1808 г. превышали уровень 1806 г. на 67 %, в то время как в Лейпциге — на 99 %, а Гамбурге — на 140 %. В последующие годы этот разрыв только увеличивался. В среднем в 1808–1811 гг. цены на кофе в Лейпциге были выше петербургских на 79 %, а на сахар — на 36 %.

Рис. 8. Индекс цен сахара в Санкт-Петербурге, Гамбурге и Лейпциге, %

Источник: Girnius S.A. Russia and the Continental Blockade. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981; расчёты автора

Таким образом, сложились благоприятные условия для включения России в посредническую торговлю. Если раньше доля реэкспорта в общем российском экспорте была невелика, не только по причине отсутствия

собственного торгового флота, но и вследствие дороговизны сухопутных перевозок, то теперь значение второго фактора было нивелировано. Более высокие цены на колониальные товары в основных торговых центрах Европы, по сравнению с ценами в российских портах, не только позволяли окупить стоимость транспортировки грузов, но и сулили немалые прибыли. "Для России, – писал чиновник Департамента внешней торговли Министерства финансов К. И. Арнольд, – открылся весьма достопамятной в истории коммерции её торг всеми родами колониальных товаров: ибо почти половина Западной Европы получала оные в то время через Радзивилов и Поланген из России"²¹.

За неимением данных об объёмах реэкспорта в 1808–1811 гг. обратимся к цифрам за 1812 г.²² Они вполне показательны, так как большая часть импорта была закуплена ещё до вторжения Наполеона в Россию и официального выхода России из режима Континентальной блокады. В этом году было реэкспортировано 73 % от общего импорта кофе. Зато реэкспорт сахарного песка составил только 22,6 %, что объясняется значительным спросом на этот товар со стороны развивающейся сахарорафинадной промышленности. С другой стороны, реэкспорт хлопка-сырца даже превысил объём его импорта. По всей видимости, это было вызвано как огромным его ввозом в 1811 г. (325,9 тыс. пудов против 86,9 тыс. в среднем за 1809–1810 гг.), значительно превосходившим потребности молодой ещё хлопкопрядильной промышленности, так и закрытием большинства мануфактур, оказавшихся летом–осенью 1812 г. в зоне боевых действий.

Всего в 1812 г. было реэкспортировано вышеперечисленных товаров по весу на 387,9 тыс. пудов, из них 305,8 тыс., или 79 %, – через западную сухопутную границу. Даже если предположить, что вся посредническая торговля осуществлялась без участия российских купцов, а таможенные пошлины, уплаченные при ввозе товаров, полностью возвращались при их вывозе, что будет явным преувеличением, то и тогда Россия выигрывала от участия в этих операциях²³, и в первую очередь крестьяне, которые осуществляли транспортировку транзитных грузов на своих подводах.

Если на Балтике после присоединения России к Континентальной блокаде торговое мореплавание испытывало значительные трудности, особенно в 1808 г., то на Чёрном море случилась передышка в русско-турецкой войне. В результате оживилась торговля в Одесском порту, который стал перевалочной базой в поставке азиатских товаров, и прежде всего хлопка-сырца, в Европу. В 1808 г. стоимость отправленных из Одессы в Австрию товаров составила 10,8 млн руб. Соответственно возросли и заработки тех, кто занимался их перевозкой. Так, в начале сентября 1808 г. за транспортировку товаров из Одессы до Радзивиловской таможни, расположенной на границе с Австрией, брали от 135 до 175 коп. с пуда груза²⁴.

²¹ Арнольд К. Указ. соч. С. 3.

²² Государственная внешняя торговля 1812 года в различных её видах. СПб., 1812.

²³ Согласно расчётам Департамента внешней торговли Министерства финансов, стоимость реэкспорта в 1812 г. более чем на 10 млн руб. превышала стоимость импорта того же объёма товаров. См.: Государственная внешняя торговля 1812 года в различных её видах. Табл. IX.

²⁴ Санкт-Петербургские коммерческие ведомости 1808. 8 октября. № 41. С. 162.

Отдельно стоит сказать об Архангельском порте, который в годы Континентальной блокады переживал свой второй "золотой век". Оживлению архангельской торговли способствовала не столько удалённость от Санкт-Петербурга (т.е. менее строгое наблюдение за выполнением условий Континентальной блокады), сколько сравнительная безопасность торговых путей от действий как английских крейсеров, так и французских каперов. Поэтому, когда в 1809 г. возобновились рейсы американских судов из США в Европу, они стали приходить не в Санкт-Петербург, как раньше, а в Архангельск. Усиленные привозы колониальных товаров привели к тому, что если в 1797–1807 гг. объём импорта в Архангельске не превышал в среднем полмиллиона рублей, то в 1809–1811 гг. он возрос до 9,4 млн руб. в год. Даже с учётом четырёхкратного обесценения рубля за это время импорт вырос более чем в 5 раз. По свидетельству историка, "привозными товарами переполнялись купеческие амбары и палаты гостиных дворов"²⁵.

В результате цены в Архангельске оказались под серьёзным давлением. По данным С. Гирниуса, относительные цены импортных товаров были в Архангельске существенно ниже цен в Санкт-Петербурге, в результате чего разрыв с европейскими ценами на колониальные товары оказался ещё более значительным. В среднем в 1808–1811 гг. цены на кофе в Лейпциге были выше, чем в Архангельске, на 99 %, а цены на сахар – на 72 %²⁶. Таким образом, даже из Архангельска, который раньше обслуживал в основном близлежащие губернии и отчасти Москву, становилось выгодным возить грузы в Европу. При этом дополнительный заработок получали крестьяне, занимавшиеся извозным промыслом.

* *
*

Подводя итоги, следует признать, что опыт Континентальной блокады наглядно свидетельствует о сомнительной эффективности экономических санкций. Морская блокада, когда она подкреплена решительными действиями военно-морского флота, может оказаться очень грозным оружием. Однако чем разнообразнее связи с той страной, против которой она применяется, чем шире предусмотренные ею запреты, тем более сильным становится обратный эффект (в виде роста цен и других негативных последствий) для экономики государства, объявившего такую блокаду.

Важным моментом следует признать также заинтересованность других стран в присоединении к режиму блокады. В противном случае контрабанда и коррупция способны свести до минимума любые ограничения на осуществление торговых операций.

Кроме того, многое зависит от способности экономики адаптироваться к предложенным обстоятельствам. Частное предпринимательство, поиск новых технических решений, наконец, просто мода на потребление товаров отечественного производства, способствуя развитию импортозамещения,

²⁵ Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 252, 257, 266.

²⁶ Girnius S.A. Russia and the Continental Blockade. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981.

позволяют снизить чувствительность к внешним ограничениям. Все эти качества были продемонстрированы в России в начале XIX в. и находят своё проявление сегодня.

Ключевые слова: *Континентальная блокада – экономические санкции – индекс условий торговли – относительные цены – импортозамещение.*

Keywords: *the Continental Blockade – economic sanctions – terms of trade index – relative prices – import substitution.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816.
2. Архив графов Мордвиновых. Т. III. СПб., 1902. С. 471, 472.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. 1. Т. 4. М., 1962.
4. Государственная внешняя торговля 1812 года в различных её видах. СПб., 1812.
5. Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966.
6. Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911.
7. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.
8. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985.
9. Неболсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. I. СПб., 1835 (Ведомость о привозе).
10. Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.
11. Санкт-Петербургские коммерческие ведомости 1808. 8 октября. № 41.
12. Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997.
13. Шторх А. Курс политической экономии. М., 2008.
14. Яцунский В.К. О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность // Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1962.
15. Girnius S.A. Russia and the Continental Blockade. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981.
16. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions RECONSIDERED / 3rd ed. Washington, DC, 2007.
17. O'Rourke K. The worldwide economic impact of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793–1815 // Journal of Global History. 2006. No. 1. P. 123–149.
18. Pape R.A. Why Economic Sanction Still Do Not Work // International Security. 1998. Vol. 23. № 1.
19. Ryan A.N. The Defence of British Trade with the Baltic, 1808–1813 // The English Historical Review. 1959. July. Vol. 74. № 292.